

Е. В. Хинкиладзе

Харьков

**«НОВОВРЕМЕНСКИЙ» СЛОЙ В РОМАНЕ В.П. КРЫМОВА
«ХОРОШО ЖИЛИ В ПЕТЕРБУРГЕ»**

Беллетристика «першої хвилі» російської еміграції залишається поза увагою дослідників, проте її специфіка дає змогу осмислити специфіку літератури за межами класики. Творчість В.П. Кримова є в цьому сенсі доволі показовою. Його твори виконали пізнавальну, розважальну та компенсаторну функцію за рахунок вмілого використання множинності кульмінацій, авантурних ходів, прототипів героїв, що добре впізнавалися. У статті йдеться про «нововременський» пласт роману «Хорошо жили в Петербурге» (1933), розкриваються деякі прототипи героїв, аналізуються засоби їх зображення. В.П. Кримов акцентує увагу на негативних сторонах особистості прототипу героїв, його слабостях, фізичних недоліках, вводить викривлені або неточні відомості, які містилися у плітках того часу, які створили підґрунтя для роману -«плітки» про коло газети «Новое время».

Ключові слова: *беллетристика, масове періодичне видання, прототип, суворинська «естетика», роман-«плітка».*

Беллетристика «первой волны» русской эмиграции остается вне поля зрения исследователей, однако ее специфика позволяет судить о судьбах литературы за границами классики. Творчество В.П. Крымова является наиболее показательным. Его произведения выполняли познавательную, развлекательную, компенсирующую функции за счет умелого сочетания возможностей популярных жанров, предмета изображения, использования множественных кульминаций, авантурных ходов, узнаваемых прототипов героев. В статье речь идет о «нововременском» слое романа «Хорошо жили в Петербурге» (1933), раскрываются некоторые прототипы, анализируется способ их изображения. В.П. Крымов акцентирует внимание на негативных сторонах личности прототипа героя, ее слабостях, физических недостатках, вводит ложные или неточные сведения, содержащиеся в слухах той поры, создающие основу для романа-«сплетни» о круге газеты «Новое время».

Ключевые слова: *беллетристика, массовое периодическое издание, прототип, суворинская «эстетика», роман-«сплетня».*

Fiction of the Russian emigration «first wave» remains out of view of the scientific researchers but studying its specificity can give the general understanding of the literary fate beyond the boundaries of the classics. V.P. Krymov's creative heritage is the most revealing in this context. His works had informative, entertaining, compensating functions due to the skillful combination of the popular genres features, the subject of the image, the use of multiple culminations, adventurous scenes and the recognizable characters' prototypes. The article says about the «novovremenskiy» (associated with the newspaper "Novoye vremya") layer of the novel «Khorosho zhit' v Peterburge» ("It nice to live in St. Petersburg) (1933), it also reveals some prototypes and the way of their depiction is analyzed. Krimov V.P. focuses on the negative aspects of the prototype hero personality, its weaknesses, physical disabilities. The author also provides some false or inaccurate information contained in the rumors of that period of time creating the basis for the «rumors-novel» about the circle of people related to the newspaper «Novoye vremya».

Keywords: *fiction, mass periodicals, prototype, Suvorin's «aesthetics», «rumors-novel».*

Одной из примечательнейших фигур литературы «первой волны» русской эмиграции был В.П. Крымов. В России он входил в круг литераторов газеты «Новое время», с деятельностью которой были связаны имена не только А.С. Суворина и В.П. Буренина, но и молодого А.П. Чехова. В беллетристике В.П. Крымова учтены особенности предшествующей литературы, а также горизонт ожиданий широкого читателя, которым они адресованы. Ей присущи занимательность и динамичность сюжета, освещение сторон жизни общества, которые редко становились предметом художественного осмысления, и вместе с тем, некоторая поверхностность, неровность, не всегда продуманная композиция, незавершенность сюжетных положений. Одним из плодотворных аспектов ее изучения является специфика отражения реалий дореволюционной жизни, в т. ч. и литературного быта. Роман «Хорошо жили в Петербурге», посвященный журналистской карьере Аристархова, по меткому выражению одного из рецензентов [5, с. 185], стал своего рода сплетней о представителях столичной литературной жизни. Главный герой романа – миллионер, не лишенный писательских и журналистских амбиций: «Дело журналиста и заключается в том, чтобы всем интересоваться, все знать... Что может быть интереснее такой работы!?! – Там связи...» [3, с. 6]. Используя свои знакомства, он становится внештатным сотрудником популярного издания «Русская газета», в котором угадывается широко известное «Новое время».

Газета была детищем «старика Суворина», который превратил «Новое время» в авторитетное и влиятельное издание. Ю.В. Климаков полагал, что оно было первой в России «большой политической газетой с чрезвычайно широким кругом читателей, к голосу которой прислушивались и далеко за границей» [2, с. 69]. Причину этого он видит не только в великолепных организаторских способностях А.С. Суворина, но и в «последовательном отстаивании коллективом его сотрудников общенациональных российских интересов» [2, с. 69], в поддержке политики правительства и буржуазии. Уже через три года после покупки А.С. Сувориным «Нового времени» газета получила признание как вполне благонадежная. Это позволяло редакции быть в курсе политического закулисья, а ее сотрудникам заводить нужные знакомства. В романе «Хорошо жили в Петербурге», остающемся вне поля зрения исследователей, – он назван лишь в справочной статье [5, с. 184–185], – ощутим «нововременский» слой. В.П. Крымов был сотрудником «Нового времени» с 1910 г., хорошо знал не только его редакторскую политику, людей, которые сотрудничали в издании, но и тех, кто общался в этом кругу. Он служил коммерческим директором, писал заметки о светской жизни в другие газеты – «Вечернее время», «Русское слово», «Свет», был знатоком светской жизни. У большинство героев его романа есть прототипы. Так, в образе хозяина «Русской газеты» Кащеева угадывается А.С. Суворин («старик Суворин»), Грабельщикова («говорящая» фамилия) – Г.Н. Снесарев [5, с. 185], Войтинской – балерина М.Ф. Кшесинская, Князя – великий князь Андрей Владимирович. В ходе анализа удалось раскрыть еще некоторые из

прототипов.

Издание А.С. Суворина занимает особое место в русской журналистике. Можно говорить о том, что это было первое массовое периодическое издание, рассчитанное на «среднего» человека, в котором был найден способ подачи информации, отвечавший ожиданиям самого широкого читателя. Н. Соловьева и В. Шитова писали, что газета постепенно стала восприниматься как нечто, обязательно присутствующее в жизни. А.С. Суворин «легко мог представить себе, как, бегло просмотренные с утра хозяином на Разъезжей, который ищет здесь прежде всего новостей и общего тона, свежий номер почти на целый день переходит в комнату тещи: она стареет, глохнет и оттого еще больше полюбила читать. Вечеру хозяин спрашивает газету снова – это уже для отдыха. Потом газета уйдет из барских комнат. Прочитанная на кухне вслух поваром либо дворником, зашедшим попить чаю, она потом растворится в пересказах, разойдется, как по воде, станет слухами, толками, мнениями» [4, с. 183–184]. Наряду с газетой А.С. Сувориным издавались многочисленные приложения, журнал «Исторический вестник», выходивший в течение 30 лет, «на каждый стол – справочные выпуск ”Вся Россия”, ”Дорожная библиотека” – серия специально для вагонного чтения. ”Дешевая библиотека” <...> Суворин имел это честолюбие – хотел, чтобы для всех первой книгой в жизни было его издание» [4, с. 183]. В.П. Крымов довольно умело воссоздает и «это честолюбие», и другие черты характера А.С. Суворина: «Кто-то просил Кашеева к телефону. Кашеев сердито бросил курьеру: ”К черту!.. Меня нет... И министра к черту – меня нет, я сказал. Вот вы все устраиваете и улаживаете, а оно только разлаживается”. Кашеев встал и нервно заходил по кабинету. <...> Ноги были широко расставлены носками внутрь, словно он собирался играть в футбол. Это была особенность походки Кашеева. Он никогда не играл в футбол, вообще не занимался спортом, но эту привычку выработал в себе намеренно, считая, что мужчине именно так подобает ставить ноги. ”Я не балетчик”, – говорил он» [3, с. 15]. Подметив характерные особенности во внешности А.С. Суворина, В.П. Крымов их укрупнил в образе издателя газеты.

Решимость, твердость характера Кашеева отражались в его манере вести дела. Он был противником финансовых нововведений, понимая, что любые формы, скажем, акционирования ставят под удар единоличное управление делами: «Знаю я ваши акционерные общества... Продай одну акцию, так через полгода Розеншейн будет мои статьи править...» [3, с. 16]. Однако влияние своей газеты он умело использовал для получения кредитов или упрочения общественной позиции. Аристархов воздействовал на другую важную для него тему: литературный талант. Приведя удачное выражение из публикации Кашеева, он сумел ему понравиться и стать сотрудником. Как известно, А.С. Суворин был плодовитым беллетристом, критиком и публицистом, и В.П. Крымов подчеркивает сантименты героя по поводу хорошо написанного текста.

Он чутко уловил и мысль А.С. Суворина о художественном образе,

которую вкладывает в уста Кашеева: «”Да, фраза вышла удачная... Не гоняйтесь за мудреными словами и не притягивайте за хвост образов. <...> Лучше совсем без образов, чем один, коленом втолкнутый, когда читатель чувствует сразу эту незаконнорожденность. Искусство в том, чтобы не было искусственности... ”Убогая роскошь наряда” – такие алмазы даже в богатом мозгу весьма редки, одного на книгу довольно...» [3, с. 17 – 18]. В этом диалоге Кашеев цитирует строку из стихотворения Н.А. Некрасова «Убогая и нарядная» (1860) как образец того единственного нового образа, которого «одного на книгу довольно» и обнаруживая свои, так сказать, демократические предпочтения. Во-вторых, он высказывает квинтэссенцию «эстетики», которая лежала в основе литературно-критической деятельности А.С. Суворина и В.П. Буренина и была тесно связана с их общественно-политическими убеждениями.

«Новое время» стояло на позициях упрочения существующего порядка вещей, противилось попыткам разрушить устойчивость государства, основ обывательского благополучия. Искусство, содержащее в себе потенцию обновления, воспринималось как подрывающее общепринятое. В представлениях «Нового времени» правомерным считался «только образ, ставший клише, – иначе сказать, потерявший свое достоинство образа. В клише исключено все, кроме подтверждения известного; в образе – возможность перемены, инозначения, инопонимания. Образ – это воля, в обоих значениях этого слова – изначальная свобода и волевое усилие. В образе действительность получает свое динамическое инобытие. Образ по сути своей обновляющ и дискомфортен. Обыденное, обывательское благополучное сознание хочет полного натурализма, боясь всего, что может посягать на устойчивость мира, которым следует быть довольным. <...> Так что нелюбовь к образу – в полном согласии с суворинским практическим человеколюбием» [4, с. 193]. Этим можно объяснить то остервенение, с которым В.П. Буренин набрасывался на публикации символистов, высмеивая казавшиеся ему нелепыми образы. В.П. Крымов наделяет Кашеева не только узнаваемой внешностью, чертами характера, но и взглядами, напоминающими «эстетику» А.С. Суворина.

Одним из тех, кто сотрудничал в «Новом времени» с 1889 по 1917 г., был и Василий Васильевич Розанов, выдающийся русский писатель, критик, мыслитель, печатавшийся на страницах этого издания под псевдонимом «Обыватель». По нашему мнению, именно он был прототипом Семена Семеновича Цветкова, знакомого Арсения Аристархова. В этом образе В.П. Крымов подчеркнул именно те стороны личности и ту тему, по которой В.В. Розанов угадывается безошибочно. Так, его герой носит имя и отчество, напоминающие имя и отчество писателя: Семен Семенович – Василий Васильевич. Его фамилия – Цветков, вызывающая ассоциацию с фамилией Розанов. Описана и характерная внешность писателя: «Маленький, плюгавенький, с жиденькой бородкой и потными руками, казалось, он должен быть для женщин отталкивающим...» [3, с. 203]. Как известно, об облике В.В. Розанова впечатлений сохранилось не так много: о нем можно

судить по фотографиям. Э. Голлербах запомнил его таким: «... небольшого роста старичок, самой мирной и ласковой наружности. <...> Внешность у него была скромная, тусклая, тип старого чиновника или учителя; он мог бы сойти также за дьячка или пономаря.» [2, с. 19]. В.П. Крымов подчеркивает в нем непрезентабельность и тревожность.

Говоря о творчестве Цветкова, повествователь акцентирует только одну тему: «Цветкова называли порнографической натурой. Это было неверно. В Цветкове было столько обнаженности, что не могло быть уже речи о пошлости или порнографии. Он шел до обнаженности мраморной статуи. Неприлична полуприкрытая, хихикающая над намеками пошлость, а в Цветкове был обнаженный белый мрамор мысли... Цветков больше всего писал по сексуальным вопросам: у него была религия полового акта» [3, с. 204]. Здесь В.П. Крымов оказывается не пародийно язвителен, а, скорее, справедлив к В.В. Розанову. Он, действительно, не впадал в пошлость, но поднимал проблемы, до этого никогда с такой силой не звучавшие в русской литературе. Деятельный участник Религиозно-философских собраний, он много писал о нерешенной в христианстве проблеме пола. В.П. Крымов не претендовал на глубокое исследование взглядов В.В. Розанова. В его Цветкове верность теме пола демонстрируется навязчиво и прямолинейно. Так, за столом ему предлагаются пирожные, он предпочитает им сушки. «Мешал, пока сушки сделались склизкими, размокли. Вытаскивал их ложечкой, клал пальцами в рот и обсасывал. Именно такие ему нравились: чтобы были мокрые, теплые, осклизкие... И в это время говорил об египтологии, рассказывал какую-то подробность в "ключе власти", которую нашел в этом новом английском томе. Когда встали, Цветков оказался в дверях рядом с Войтинской. Вдруг он покраснел, заблестели и замаслились глазки, лоб стал еще потнее, и он взял тихонько Войтинскую за грудь: "Грудочки какие! миленькие... Позвольте потрогать. Я ведь так, эстетически, без всякой плохой мысли... Священнодействуя" <...> шепелявил Цветков, брызгая слюной и задыхаясь...» [3, с. 208]. В.П. Крымов подчеркивает два аспекта: физиологический («чтобы были мокрые, теплые, осклизкие») и, так сказать, религиозный («Священнодействуя»).

Современникам было хорошо известно бросающееся в глаза несоответствие утонченной мысли писателя о проблеме пола браку В.В. Розанова, отвечавшему русской патриархальной традиции. Его настоящая семейная жизнь началась лишь после знакомства с В.Д. Бутягиной, с которой он тайно венчался. Это была многодетная и счастливая семья. В.П. Крымов подчеркивает это обстоятельство в биографии писателя. «На звонок в переднюю высыпала орава детей в шерстяных платках. Потом выплыла сама супруга, большая, пожилая, расплывчатая, сдобная баба. Как живой парадокс – певец сексуальности и вдруг такая баба и такая орава детей!» [3, с. 204].

Рассматривая библиотеку Цветкова, в которой любовно были собраны все издания его произведений, Аристархов обнаруживает книгу о Египте. «Раскрывши ее наугад, Арсений увидел забытый там листок, весь исчерченный пером. Много раз вдоль и поперек повторялись слова: "Изида,

Озирис, Пречистая Дева”. А кругом все было все было зарисовано схематическими изображениями половых органов – мужских и женских. Видимо, Цветков над чем-то думал и все время это рисовал» [3, с. 207]. Интересен комментарий героя к обнаруженному им листку: «Поразительный документ... Со временем, когда умрет Цветков, будет музейной вещью, материалом для его биографии... Один из ключей к раскрытию тайников души человеческой» [3, с. 207]. В.П. Крымов работал над трилогией уже после смерти В.В. Розанова. В словах его героя ощутимо всеведение повествователя, которым Аристархов обладать, конечно, не мог.

Возникает вопрос о том, как В.П. Крымов относился к В.В. Розанову и с какой целью создал пародию на него? В некоторой степени ответом является финал главы. «Природа захотела подурочиться, – заключает повествователь, – взяла горсточку ярких кристалликов гениальности и бросила их в самого неподходящего – по понятиям людей – человека. И получился Цветков...» [3, с. 208]. Вкладывая подобную оценку в уста своего героя, писатель, думается, выразил и собственное отношение к В.В. Розанову, талантливому, оригинальному мыслителю – и нелепому человеку. Но если рассматривать этот фрагмент в контексте всего повествования, то можно утверждать, что оценивая печать и литературу, как мощное средство манипуляции общественным мнением, автор не имел иллюзий на ее счет и на счет тех, кто ее создавал. Во всяком случае, уважение к А.С. Суворину, которое писатель, вероятно, все же испытывал, не мешало ему обнажить нелюбимые стороны его семейной жизни, описать «Кашеевский цех», т.е. группу содержанок сына Кашеева, попутно пересказывая сплетни о бывших женах и отца, и сына, показать механизмы, с помощью которых сам Кашеев зарабатывал миллионы, играл на бирже, увеличивал тираж издания и пр. О каждом, у кого был прототип, В.П. Крымов писал довольно откровенно, преувеличивая негативные стороны личности и не останавливаясь на положительных, превращая свой роман в большую «сплетню» о современниках. Так, например, в тексте романа мы обнаружили намек на драматурга, актера, теоретика тетра. «Бывал еще постоянно другой эстет с женственной наружностью, популярный драматург и режиссер, поклонник Бердслея. Он тоже старался говорить афоризмы сладкие и нежные и написал книгу “Самокульт”» [3, с. 125]. На наш взгляд, речь идет о Н. Евреинове, авторе очерка «Бёрдслей», статей «Театр для себя», «Введение в монодраму» и мн. др. Но автора не волнует новаторство в области драмы: он намекает на его интимные связи с представителями столичной богемы.

Подобный подход к созданию героя, в котором акцентируется внимание на неприглядных сторонах личности прототипа, нельзя относить лишь за счет неприязненности к ним В.П. Крымова. Писатель следовал такому взгляду на жизнь, при котором естественным и нормальным признавалось все то, что «передовые люди» эпохи считали пошлым и низким. В его произведения вошла жизнь городских предпринимателей, сводней, биржевых спекулянтов, богатых молодых мерзавцев, и в этом не